

АТАМАНСКАЯ ЧЕТА.

(Изъ воспоминаній).

ОГДА высшее правительство рѣшило ввести въ непосредственное управленіе Донскимъ войскомъ иногородный элементъ, то вскорѣ по введеніи въ дѣйствіе положенія 1835 года—перваго положительнаго закона для Донского края, на Донъ посланъ былъ генералъ Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ, бывший командиръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, въ ту пору начальникъ гвардейской бригады. Хотя Хомутовъ, какъ говорили въ то время, былъ плохой фронтовикъ, часто подвергавшійся жестокимъ выговорамъ со стороны корпуснаго командира Ланского, типичнаго представителя кавалерійскаго генерала того времени, но слылъ за примѣрнаго хозяина и отличался отъ многихъ своихъ товарищей безспорнымъ практическимъ умомъ. Появившись въ Новочеркасскѣ сначала въ званіи предсѣдателя межевой комиссіи, а потомъ начальника штаба (1839 годъ), онъ быстро завоевалъ симпатіи мѣстной публики. Имѣя отъ роду около 45 лѣтъ и обладая манерами и свѣтскостью высшаго петербургскаго общества, Хомутовъ очаровалъ всѣхъ какъ этими качествами, такъ и необыкновенною своею энергіею и практическимъ взглядомъ на вещи. Несмотря на то, что бывший въ то время наказнымъ атаманомъ генералъ Власовъ, природный казакъ, косо смотрѣлъ на всѣхъ пріѣзжихъ, а особенно если они входили въ составъ управленія краемъ и назначались на высшіе посты,—Хомутовъ сумѣлъ не только жить съ нимъ въ

ладахъ, но даже приобрести отъ него и большое довѣріе по многимъ частямъ внутренняго управленія войскомъ. Это довѣріе атамана дало Хомутову возможность, взявшись за многія отрасли, непосредственному вѣдѣнію его не подлежащія, ускорить ходъ дѣлъ, пригласивъ себя на помощь лицъ, на которыхъ онъ могъ положиться. Усердно занимаясь военною частью, Хомутовъ вмѣстѣ съ тѣмъ обратилъ вниманіе на городъ Новочеркасскъ, который представлялъ собою большую, раскинутую на высокой горѣ, грязную и пыльную станицу, которую въ сущности никакъ нельзя было назвать городомъ. Изъ большой площади, поросшей дикими и безплодными травами и уставленной кое-гдѣ ничтожными лавченками, онъ образовалъ садъ, который существуетъ до сихъ поръ и служитъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно подышать, сравнительно, свѣжимъ воздухомъ; пользуясь услугами рабочаго казачьяго полка, Хомутовъ взялся за мощеніе улицъ, многія изъ которыхъ до сего времени остаются въ томъ видѣ, какой онѣ получили, благодаря неустанной энергіи этого человѣка; не пропустилъ онъ безъ вниманія и новочеркаскаго собора, который строился съ 1811 года и не видѣлъ конца своего созиданія. Хомутовъ принималъ большое участіе въ построеніи корпуса присутственныхъ мѣстъ, освященнаго въ 1844 году, и нѣкоторыхъ другихъ войсковыхъ зданій и церквей; при немъ же начато сооруженіе атаманскаго дворца; личному его вліянію Новочеркасскъ обязанъ и многими домами частныхъ лицъ, распланировкой и устройствомъ мѣстнаго городского базара и городского освѣщенія, а также учрежденіемъ дѣтскаго пріюта, института и устройствомъ новочеркаскаго городского кладбища. Кромѣ всего сказаннаго, частыя поѣздки его по Донскому краю, въ продолженіе которыхъ онъ вникалъ во всѣ подробности донской сельской жизни, сдѣлали его популярнымъ, какъ среди помѣщичьяго населенія, такъ и въ простой казачьей средѣ.

Сдѣлавшись наказнымъ атаманомъ послѣ смерти старика Власова (1848 годъ), Хомутовъ почувствовалъ себя съ развязанными руками, и энергія его усилилась: можно сказать, что въ ту пору стало два Хомутовыхъ, вмѣсто одного. Обвалившійся соборъ вскорѣ былъ разобранъ и начатъ вновь; излишеству энергіи Хомутова надо приписать и вторичное разрушеніе собора, совершившееся черезъ годъ послѣ его увольненія отъ должности: онъ все спѣшилъ, приказавъ строителю снять кружала соборнаго купола ранѣе времени, которое предписано наукой; частныя зданія начали расти, какъ грибы, потому что, благодаря Хомутову, недостаточнымъ лицамъ стали выдаваться для этого субсидіи изъ войскового приказа общественнаго призрѣнія; мостовыя покрыли всѣ главныя и многія побочныя улицы, появившись даже у окраинъ; общественный садъ, охраняемый и хорошо присматриваемый, покрылся прекрасно шоссиро-

ванными аллеями, содержался чисто и даже роскошно; въ немъ устроены павильоны и бесѣдки; благодаря вліянію Хомутова, въ 1858 году устроился постоянный театръ, для котораго выхлопотана субсидія изъ войсковыхъ суммъ; при Хомутовѣ увеличено количество войсковыхъ стипендій для бѣдныхъ донскихъ уроженцевъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; къ концу его атаманства, нѣтабъ его состоялъ, въ большинствѣ, изъ людей, окончившихъ университетскіе курсы. Слишкомъ много потребовалось бы времени для перечисленія всего того, что сдѣлано Хомутовымъ для Донского края вообще и для города Новочеркасска въ частности. Но мы думаемъ, что и сказаннаго достаточно для того, чтобы охарактеризовать этого замѣчательнаго человѣка, какъ администратора.

Хомутовъ былъ женатъ на Екатеринѣ Михайловнѣ Демидовой, отъ которой имѣлъ четырехъ сыновей и одну дочь. Въ семьѣ, какъ говорили въ ту пору, онъ былъ несчастливъ потому ли, что было несходство характеровъ, потому ли, что покойный атаманъ былъ ловеласъ большой руки. Дѣти его—гвардейскіе офицеры, отличались въ большинствѣ постоянными кутежами, хотя двое изъ нихъ были отъ природы хорошо одарены. Одинъ изъ нихъ убитъ на Кавказѣ; дочь, упавъ съ качелей, умерла въ молодыхъ лѣтахъ; только отъ одного сына, болѣе всѣхъ степеннаго и развитого, осталось потомство. Михаилъ Григорьевичъ, по крайней мѣрѣ, наружно былъ весьма религіозенъ, и это почтенное качество, часто доводимое имъ до ханжества, никакъ не вязалось съ его ловеласничествомъ, о которомъ сохранились цѣлыя легенды. Хомутовъ былъ деспотомъ въ полномъ значеніи этого слова. Держа въ своихъ рукахъ всѣ нити управленія краемъ, Хомутовъ распредѣлялъ дѣла по предметамъ, которыми завѣдывали его министры, т. е. чиновники его личнаго штаба. Такъ, одинъ адъютантъ руководилъ юридическимъ отдѣломъ, другой докладывалъ по части религіозной, третій по литературной, четвертый велъ счетъ по карточной части, пятый, уже не адъютантъ, а человѣкъ независимой профессіи — по секретной... Это—докладчики, такъ сказать, частные, не заграждавшіе путей для лицъ официальныхъ но военному и гражданскому управленію. Только можно удивляться этой бѣшеной энергіи, съ которой Хомутовъ брался за всякое дѣло, вставая утромъ съ пѣтухами и ложась спать далеко за полночь, такъ какъ нужно же было: какъ поругать торговковъ на базарѣ за нечистоту около ихъ лавченковъ—пораньше утромъ, такъ и поиграть въ картишки, которыя рѣдко отпускаютъ своихъ любителей ранѣе 12 часовъ ночи. Хомутовъ вмѣшивался во все: онъ былъ и архитекторъ, и горный инженеръ, и землемѣръ, и садовникъ, и мостовщикъ. Для болѣе яркой характеристики дѣятельности его приведемъ почти фотографическое описаніе праздничнаго утра, когда въ атаманскую залу собирались всѣ крупные и мелкіе чиновники, помѣщики и разными другія лица.

Изъ кабинета выходилъ атаманъ, раскланиваясь во всѣ стороны и поздравляя всѣхъ съ праздникомъ. Проходя сквозь густую массу чиновниковъ и жившихъ въ Новочеркасскѣ помѣщиковъ, Хомутовъ постоянно заводилъ рѣчь о злобахъ дня приблизительно въ такомъ видѣ:

— Опять, Ѳедотъ Петровичъ¹⁾, на Аксайскомъ мосту одинъ плашкотъ крыгой разбило... бѣда, да и только!..

— У насъ проходитъ журналъ, ваше высокопревосходительство, и какъ только вы его утвердите, тотчасъ будетъ произведена починка...

— Подгоните, пожалуйста, а то вѣдь у насъ часто журналы идутъ, какъ тяжелые роды... Но этого мало, что починить: надо бы придумать какую нибудь болѣе существенную защиту ото льда... Авиловъ²⁾ здѣсь?

Получается отвѣтъ, что въ командировкѣ.

— Когда онъ пріѣдетъ, пошлите его ко мнѣ... Надо устроить такую систему защитныхъ быковъ, чтобы большія крыги не прикасались къ плашкотамъ... Вѣдь это возможно устроить, Иванъ Осиповичъ³⁾?

Архитекторъ Вальпреда, строитель собора, отвѣчаетъ утвердительно, послѣ чего Хомутовъ съ улыбкой спрашиваетъ его:

— А вѣдь въ будущемъ году, если Господь поможетъ, и до главъ дойдемъ... а?

— Если не встрѣтятся препятствій, то...

— И непременно встрѣтятся, — перебиваетъ его Хомутовъ съ саркастическою улыбкою и подзываетъ къ себѣ полицеймейстера.

— Я забылъ сказать. Повидайся, пожалуйста, съ хозяевами тѣхъ домовъ, которые строятся на концѣ Московской, я ихъ не знаю, и скажи имъ, что я сегодня поколотилъ тамъ одного рабочаго, который укладывалъ на извѣсть сухой кирпичъ: лѣнь ему сбрызнуть его водою... рядчикъ ушелъ куда-то, должно быть, по пьянствовать, а рабочіе—лишь бы скорѣй... Да скажи мясникамъ, что если еще разъ увижу соръ около ихъ лавокъ, то до слезъ доведу... Сегодня—срамъ: подхожу къ мясному ряду, а тамъ отъ пакости и отъ собакъ прохожу нѣтъ... Посади-ка пристава на сутки на гауптвахту, пусть отдохнетъ тамъ отъ трудовъ праведныхъ...

Проходя далѣе, Хомутовъ наталкивается на помѣщика Киселева, извѣстнаго своими подвигами по части женскаго пола. Киселевъ низко кланяется атаману и цѣлуетъ его въ плечо.

— Что это ты съ поцѣлуями? Вѣдь я не гувернантка... Что вы думаете? Зазвалъ онъ, а вѣрнѣе—заманилъ къ себѣ въ домъ двухъ

¹⁾ Хоперскій—старшій членъ войскового правленія.

²⁾ Архитекторъ.

³⁾ Вальпреда—строитель собора.

сестеръ—гувернантокъ, заперъ за ними двери на ключъ, да и съ любезностями... Тѣ—туда, сюда,—нѣтъ выхода. Онѣ въ слезы, а онъ съ усиленными предложеніями... На силу вырвались, хотѣли бить окна и кричать на улицу... Ты, пожалуйста, прекрати эти подвиги... Иначе, придется тебѣ снова плакать, какъ, помнишь, точно также молодую монашенку заманилъ?.. Въ другой разъ не пощажу...

Киселевъ, красный какъ ракъ, продолжалъ сконфуженно улыбаться и низко кланяться до тѣхъ поръ, пока атаманъ не обратился къ другимъ.

— Шейеръ ¹⁾, а что какъ Серамахинъ ²⁾?

— Ему лучше, ваше высокопревосходительство, простудился немного...

— Надо о немъ позаботиться... Кто знаетъ? Можетъ быть, изъ него выйдетъ донской Паганини... Какой прекрасный смычекъ! Кривянский Паганини...

— А! Петръ Ѳедоровичъ ³⁾, съ праздникомъ. Ну, что наши большинцы?

— Въ прежнемъ положеніи—никого и ничего не слушаютъ и никакихъ платежей не вносятъ.

— Я, право, голову теряю... Назначить туда военную команду, да и боюсь: вотъ, скажутъ они, освободили насъ отъ помѣщиковъ для того, чтобы сѣчь розгами; а добряки Ефремовы ихъ съ ними не знакомили... Подождемъ еще, авось образумятся... Ни царскіе, ни барскіе... А князь отлично справился съ орѣховцами... Они насѣли на Петра Павловича, а онъ сконфузился и сталъ отступать. Александръ Михайловичъ вышелъ впередъ, да какъ крикнетъ: «молчать, шапки долой». Крестьяне опѣшили и замолчали... Въ этихъ случаяхъ твердость всегда спасительна... Я помню покойнаго государя на Сѣнной площади...

— Здравствуйте, Николай Ивановичъ ⁴⁾, что новаго у васъ въ судѣ?

— Все благополучно...

— Благополучіе-то относительное, т. е. формальное... А жалобъ много... Какъ много!.. Я говорю просителямъ: гражданскій судъ отъ меня независимъ, моя власть къ нему не касается, жалуйтесь въ сенатъ. А они: покуда, батюшка, сенатъ разсмотритъ,—изъ насъ животы вымотаютъ... Богоспасаемое учрежденіе, куда, кромѣ отдаленнаго сената, никто заглянуть не смѣетъ... Жди-подожди, да завтра приходи... А, вотъ, здравствуйте, баронъ ⁵⁾. Что это на шахтахъ происшествіе за происшествіемъ: вчера бадья оторвалась съ рабо-

¹⁾ Дирижеръ оркестра.

²⁾ Первая скрипка войскового оркестра.

³⁾ Черевковъ—членъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ.

⁴⁾ Поповъ—дьякъ гражданского суда.

⁵⁾ Врангель—горный инженеръ.

чими, сегодня человекъ упалъ въ незасыпанную и не огражденную шахту?—пожалуйста, примите мѣры, побѣждайте и сами наблюдайте... А то, вѣдь, пожалуй, атамана вытребуютъ въ Петербургъ, да и скажутъ—ты тамъ въ карты съ горными инженерами играешь, а люди гибнутъ напрасно... Да, Березовскій ¹⁾, скажи этому арестанту, что вчера ударилъ сторожа по головѣ: я его посажу въ одиночную, а окно велю забить... Пусть только попробуетъ въ другой разъ... Иванъ Андреевичъ ²⁾, отчего это вы не оканчиваете дѣла генерала Краснова?.. Жалуются, что ужъ годъ цѣлый онъ къ вамъ ѣздитъ...

Не успѣвъ открыть ротъ секретарь межевой комиссіи, какъ къ атаману подошелъ предсѣдатель ея, генералъ Зубовъ, и доложилъ, что въ чертежной готова уже картуша плана...

— Это такъ долго занимались картушей! И вправду комиссію нашу вмѣсто межевой зовутъ неживой. Эту картушу можно сдѣлать и въ два дня, а тянутъ нѣсколько мѣсяцевъ... Подгоните, Кириллъ Николаевичъ, главнаго-то чертежника; онъ дѣло дѣлаетъ по обстоятельствамъ: иногда очень спѣшитъ, а иногда медлитъ. Николай Павловичъ ³⁾, ты слыхалъ, что на меня вчера напали разбойники и обобрали дочиста?

На отрицательный отвѣтъ адъютанта Волховскаго Хомутовъ продолжалъ:

— Вчера ѣду къ Грекову ⁴⁾ на карты и увидѣлъ Фурмана ⁵⁾, подозвалъ его къ себѣ и ругнулъ немножко... Пріѣзжаю къ Грекову, сѣлъ въ преферансъ и за игрою вспомнилъ, что забылъ растолковать Фурману—какой сажень мнѣ нуженъ,—въ эту пору приходитъ игра—всего одна къ сносу... И пошелъ я на большой увертъ... открылъ—глядь, а у меня оказалась въ пяти червяхъ въ концѣ не семерка, а восьмерка... стыдно пятиться назадъ, да еще и атаману... Я просилъ разыгрывать, ну, и остался при шести на полной курицѣ... Въ концѣ концовъ полтора ста рублей какъ щучка съѣла...

— Здравствуйте, Николай Николаевичъ ⁶⁾, ну, что ваша исполнительная экспедиція?

— Бумаги много, ваше высокопревосходительство...

— Бумаги... бумаги... Станный у насъ законъ: лишь бы по бумагамъ былъ исправенъ, а дѣло хоть волкъ заѣшь... Здравствуйте, Пучневскій ⁷⁾. А что скоро перемѣните больничные халаты? Я просто смотрѣть на нихъ не могу...

¹⁾ Новочеркасскій полицеймейстеръ.

²⁾ Парамоновъ—секретарь межевой комиссіи.

³⁾ Волховскій—его адъютантъ.

⁴⁾ Войсковой прокуроръ.

⁵⁾ Архитекторъ.

⁶⁾ Ефремовъ—ассесоръ войскового правленія.

⁷⁾ Предсѣдатель врачебной управы.

— Сроковъ еще не выслужили...

— Покуда сроки подойдутъ, халаты ваши въ тряпки обратятся... Особыхъ болѣзней въ городѣ никакихъ?

— Кое-гдѣ крупъ, но въ слабой степени...

— Вы же не дремлите. Боюсь, какъ бы въ институтъ не занесли... Надо предупредить Авдотью Григорьевну ¹⁾...

Проходя далѣе, Хомутовъ наталкивается на протоколиста войскового правленія Карташова и, схвативъ его за шею, вскрикиваетъ: «пошелъ отсюда,—надоѣлъ». Обратившись затѣмъ къ Хонерскому, атаманъ говоритъ:

— Я къ вамъ, Федотъ Петровичъ, съ жалобой на этого разбойника. Притащилъ вчера мнѣ въ кабинетъ цѣлую гору журналовъ и на мой упрекъ: что это, креста на тебѣ нѣтъ,—съ улыбкой отвѣтилъ, что такую же кипу держать въ передней его писарь, такъ, дескать, какъ прикажу я—дождаться ему или итти обратно. Я его выругалъ, а журналы все-таки подписалъ, чуть не два часа сидѣлъ... А что, если сосчитать, сколько я разъ въ продолженіе года подпишу свою фамилію,—получится большая цифра. Если за каждую подпись класть по двугривенному, то можно и отъ атаманскаго жалованья отказаться...

— Если, Михаилъ Григорьевичъ, и по гривеннику,—добавилъ Хонерскій:—то въ накладѣ не будете.

— Да вѣдь это одно войсковое правленіе. А прибавьте-ка къ этому: уголовный судъ, крестьянское присутствіе, врачебную управу, межевыя комиссіи, да комиссію народнаго продовольствія, да Гавриіла Іевлевича со своей атаманской канцеляріей, а войсковое дежурство!..

Хомутовъ отчаянно взмахнулъ рукою.

Запоздавшему начальнику штаба, князю Дондукову-Корсакову, атаманъ сказалъ:

— А вамъ, князь, придется поѣхать въ Чиры—тамъ не ладно: наша медицина пошаливаетъ. Пожалуйте ко мнѣ въ кабинетъ, потолкуемъ немного...

Въ эту пору вошелъ войсковой депутатъ ²⁾, генералъ Машлыкинъ, поздоровавшись съ которымъ Хомутовъ продолжалъ:

— Ну, что, Иванъ Алексѣевичъ, какъ нашъ театр? Я начинаю приходить къ убѣжденію, что, выхлопотавъ ему субсидію изъ войсковыхъ суммъ, мы сдѣлали хорошее дѣло... Молодые люди, вмѣсто того, чтобы проводить время въ трактирахъ да въ разныхъ притонахъ, сидятъ въ театрѣ—и деньги сохраняются, и баловства меньше... А просить субсидію было какъ-то совѣстно: скажутъ въ министерствѣ, думалось тогда мнѣ, тратить войсковыя деньги на

¹⁾ Начальница института.

²⁾ Предводитель дворянства.

забавы! Но,—дай Богъ здоровья военному министру,—съ дорогой душой разрѣшилъ и очень скоро... Я давно ужъ не былъ—все некогда... А какъ сборы?

— Въ глухое время—ноябрь и часть декабря—плохи, а вообще можно жить, разумѣется, съ добавкой субсидіи...

— Я не знаю, какое высшее и какое низшее жалованье актерамъ.

— Первый любовникъ у насъ получаетъ 85 рублей, а низшій окладъ 10—12 рублей.

— Ѳедотъ Петровичъ, а вы сколько получаете въ мѣсяцъ?

— Шестьдесятъ пять рублей съ вычетами...

— Значитъ, первый любовникъ стоитъ выше старшаго члена войскового правленія... Это любопытно...

— Ко мнѣ, ваше высокопревосходительство,—говоритъ Хоперскій,—приходить съ докладами секретарь войскового по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, получающій 100 рублей въ мѣсяцъ, а я ему часто смѣюсь: мнѣ къ вамъ слѣдуетъ, говорю, приходитъ съ докладомъ, а не вамъ ко мнѣ...

— Да, кстати, секретарь крестьянскаго присутствія, получающій больше перваго любовника, я назначилъ тебя членомъ комиссіи для ревизіи частныхъ аптекъ, а то жалованье берешь генеральское, а дѣло-то твое—хорунжеское. Узнаешь кстати аптечное дѣло, а знаніе за плечами не носить... Здравствуйте, Дмитрій Григорьевичъ ¹⁾. Зайдите, пожалуйста, къ Екатеринѣ Михайловнѣ; она приготовила для институтокъ какія-то бездѣлушки—свезите ихъ первоклассной мелюзгѣ и передайте имъ всѣмъ мой одинъ поцѣлуй,—пусть раздѣляютъ его по равной части... 'Здѣсь Лопухинъ ²⁾?—Лопухинъ боленъ,—отвѣчаютъ ему.—Ахъ, Ѳедотъ Петровичъ, подтолкните его, пожалуйста: въ казенной экспедиціи залежалось дѣло какого-то Евтухова; приходилъ ко мнѣ, плачетъ... А Лопухинъ, отплевываясь, все говоритъ, что дѣло въ докладѣ... Какой длинный докладъ!

Обходъ залы окончился. Хомутовъ попросилъ двухъ-трехъ лицъ къ себѣ въ кабинетъ, но, натолкнувшись еще разъ на Вальпреда, говоритъ ему:

— А пилоны-то въ Константиновской церкви мнѣ, Иванъ Осиповичъ, все-таки не нравятся, и я съ вами никогда не соглашусь...

— По наукѣ, ваше высокопревосходительство...

— По наукѣ, по наукѣ! Упрямы же эти техники. Они воображаютъ, что этой ихъ науки простой смертный и понять не можетъ... А если по наукѣ вы людей побьете?

¹⁾ Калиновскій—членъ совѣта института.

²⁾ Дьякъ казенной экспедиціи войскового правленія.

— Отвѣчать не будемъ, а побьемъ черезъ свою фантазію—въ Сибирь пойдёмъ...

— Ну, подождите... Я васъ упеку на дворцѣ... Пусть только выведутъ стѣны... Я съ вами тогда въ рукопашную...

Ставъ спиною къ двери своего кабинета, Хомутовъ раскланивается съ публикою, посылая на всѣ стороны ручное благословеніе и, предъ тѣмъ какъ удалиться изъ залы, кричитъ въ слѣдъ уходящему полиціе-мейстеру:

— Березовскій, сегодня на Ратной улицѣ дохлую кошку видѣлъ... скажи своимъ приставамъ, что на будущее время буду вѣшать на шею ихъ благородій этихъ кошекъ и собакъ... Пусть расправляются съ тѣми, кто выбросилъ, какъ хотятъ... Да строго прикажи полицейскимъ, которые въ Александровскомъ саду, что если я увижу хотя одну отломленную вѣтку, то перепорю всѣхъ до одного... На всемъ помилую, а за порчу моего сада—вдвое взыщу...

Съ этими словами Хомутовъ уходилъ въ кабинетъ, куда за нимъ слѣдовали и приглашенные лица...

Публика то разѣзжалась, то расходилась въ разные стороны, и гулъ отъ экипажей возвѣщалъ, что праздничный пріемъ оконченъ.

Въ хомутовское время всѣ высшіе чины управленія, за исключеніемъ начальника штаба, прокурора и лицъ, приготовленныхъ для горнаго, мѣжевого и нѣкоторыхъ другихъ специальностей, ставились на мѣста по выборамъ дворянства, вслѣдствіе чего общество наше, въ большинствѣ случаевъ, было независимѣе, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ; но, несмотря на это, оно склонялось предъ начальникомъ края, воздавало ему неподобающія почести, которыя дѣлали изъ этого атамана «маленькаго царька». Если къ этому прибавить полное отсутствіе надзора со стороны центральнаго правительства, какъ бы предоставлявшаго своему довѣренному лицу «carte blanche» въ управленіи, а также царившій тогда повсемѣстно произволъ и то, что войско донское—край военный по преимуществу, то сдѣлается совершенно понятнымъ, что Хомутова и его супругу вездѣ встрѣчали подобострастно: до ихъ появленія не начинали танцевъ, спектаклей; на обѣдахъ и завтракахъ не приступали къ закускамъ; пѣвчіе пѣли гимны, сочиненные придворнымъ поэтомъ и положенные на музыку руководителемъ войскаго оркестра и проч. Не будь такого раболѣпія мѣстнаго общества, среди котораго были свои Максимы Петровичи, Молчалины, Загорѣцкіе и проч., деспотизмъ начальника края ограничился бы обыкновенными рамками, не переступая за предѣлы неизбежнаго. Хотя Хомутовъ заслуживалъ того, чтобы имъ увлекались, но интеллигентнымъ людямъ, стоявшимъ выше толпы, слѣдовало бы относиться нѣсколько сдержаннѣе къ своему кумиру.

«Хомутовскій гимнъ», написанный образованнымъ человѣкомъ, былъ положенъ на музыку и распѣваемъ пѣвчими во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этихъ стиховъ:

Да спасибо царю славному,
Царю нашему державному,
Что онъ далъ намъ отца-батюшку
Наказного атаманушку.
Его голосъ серебромъ звучитъ,
Сердце доброе казацкое
.
А и поступь залихватская!..

Воспитанницы мѣстнаго института, находясь подъ естественнымъ вліяніемъ своей начальницы, бывшей, можно сказать, въ Хомутовской послугѣ, тоже распѣвали кѣмъ-то сочиненный другой «Хомутовскій гимнъ», старательно положенный на музыку неизвѣстнымъ композиторомъ. Атаманъ пользовался такими почестями, принимая ихъ, какъ бы за должное и, къ чести его надо сказать, съ извѣстнымъ тактомъ, не грубо; что же относится до его супруги, то, какъ увидимъ ниже, она играла роль настоящей маленькой царицы, нисколько не стѣняясь проводить въ дѣло свои властолюбивыя побужденія.

Къ концу своей атаманской карьеры Хомутовъ видимо усталъ, ибо имѣлъ уже на своихъ плечахъ около 70 лѣтъ жизни, полной тяжелыхъ трудовъ. Къ тому же, съ половины 50-хъ годовъ начались освободительныя вѣянія—появилась обличительная литература, въ которой онъ часто фигурировалъ хотя подъ вымышленными, но довольно прозрачными именами. Съ появленіемъ обличительной литературы, появились и мѣстные зоилы, до того времени въ кулакъ шептавшіе. «Искра» помѣстила на своихъ страницахъ рассказъ о томъ, что въ городѣ «Новотатарскѣ» мѣстный воевода, Михаилъ Гавриловъ Золотовъ, прогуливаясь по публичному саду, замѣтилъ, что одна дама, одѣтая въ мѣстный костюмъ, при его прохожденіи, не встала со скамейки и не поклонилась ему, за что и получила отъ него выговоръ; но въ свою очередь отвѣтила воеводѣ, что онъ заблудъ, что она—дама,—не снимать же ей передъ нимъ своего колпака. Кромѣ того, послѣ праздника-monstre, даннаго по подпискѣ мѣстнымъ обществомъ въ день именинъ Хомутова въ лѣтнемъ помѣщеніи клуба, въ той же «Искрѣ» напечатано стихотвореніе, въ которомъ находились слѣдующія строфы:

Вотъ затѣялась подписка;
Частный кланяется низко:
«Въ силу прежнихъ лѣтъ,
«Подпишите хоть полтинникъ—
«Воевода именинникъ»,—
И отказа нѣтъ.

Вотъ двѣ тысячи собрали,
 Лѣтній праздникъ заказали,
 Садъ огнемъ горитъ,
 И народъ новотатарскій,
 Праздникъ чествуя гусарскій,
 Весь «ура» кричить.

Въ дополненіе къ такой литературѣ появилась еще мѣстная, непечатная пресса въ лицѣ «Будильника», присылавшагося черезъ почту изъ разныхъ мѣст. Въ этихъ тетрадкахъ, уже безъ всякаго стѣсненія и безъ измѣненія фамилій дѣйствующихъ лицъ, указывалось на деспотическія выходки атаманской четы и разныя непотребства ея близкихъ приверженцевъ. Всѣ такія обстоятельства доводили атаманшу до болѣзненныхъ припадковъ, заставлявшихъ ее ложиться въ постель. Атаманъ тоже тревожился, хотя старался не показывать вида и казаться равнодушнымъ. Но это не всегда ему удавалось. Залучивъ однажды молодого офицера, подозрѣваемаго въ писательствѣ, въ свой кабинетъ, Михаилъ Григорьевичъ замкнулъ дверь на ключъ и сталъ его допрашивать. Обвиняемый, однако, не растерялся. На вопросъ, не онъ ли сочиняетъ статьи для «Искры», послѣдовало заявленіе, что если онъ дастъ отрицательный отвѣтъ, то ему не повѣрятъ, а потому онъ, обвиняемый, предоставляет атаману дѣлать заключеніе, какое ему угодно. Хомутовъ обнялъ молодого человѣка, поцѣловалъ его и началъ увѣрять въ томъ, что и образованіе его, подозрѣваемаго, и чинъ, и служба не позволяютъ ему заниматься такими недостойными дѣйствіями, а потому онъ снимаетъ съ него всякое подозрѣніе. Между прочимъ, за всѣ послѣдніе годы управленія Хомутова, подозрѣваемый офицеръ былъ содержимъ имъ въ «черномъ тѣлѣ», и что давалось другимъ, равнымъ ему по заслугамъ, то слишкомъ было много для этого сюжета.

Деспотическія замашки Хомутова обязаны своимъ происхожденіемъ и развитіемъ отчасти тому темному времени, въ которомъ онъ воспитался, жилъ и дѣйствовалъ, а главнѣйше—необыкновенной склонности представителей нашего общества къ ухаживанію за сидными, къ вилянію хвостомъ, къ заискиваніямъ и вообще раболѣпству, на каковыя качества не дѣйствовали ни обличительная литература, ни устные насмѣшки нѣкоторыхъ мѣстныхъ остряковъ, ни ходившія по рукамъ талантливыя карикатуры князя Д. Г. Голицына, женатаго на графинѣ Платовой. Не забывалась родовитость происхожденія, но человѣческое достоинство легко забывалось. Мы боялись сказать откровенное слово, стать лицомъ къ лицу съ правдой, но, согнувшись въ кольцо, говорить начальству «прочувствованную» рѣчь, наполненную лстивыми словами,—считали своею священною обязанностью.

Передъ совершившимся освобожденіемъ крестьянъ Хомутовъ со-

вершенно, что называется, опѣшилъ. Онъ не стѣснялся говорить о своей боязни народнаго бунта, и только молодой начальникъ штаба, князь Дондуковъ-Корсаковъ, успокоилъ его замѣчаніемъ, что при первыхъ признакахъ безпорядковъ или народныхъ волненій у войскового начальства всегда есть возможность, въ одну—двѣ недѣли, мобилизовать нѣсколько донскихъ полковъ, предъ которыми спасуетъ всякая крестьянская смута. Хомутовъ былъ очень мало грамотенъ. У пишущаго эти строки сохранилось нѣсколько образчиковъ его письменности, глядя на которые можно подуматъ, что ихъ нацарапалъ какой нибудь не получившій образованія мѣщанинъ, а не наказный атаманъ войска донского, принадлежавшій къ высшимъ слоямъ петербургскаго общества. Хомутовъ самъ рассказывалъ, что съ юныхъ лѣтъ, какъ сталъ себя помнить, онъ думалъ на французскомъ языкѣ и мысленно переводилъ, если было нужно, на русскій языкъ, которому началъ учиться очень поздно и кое-какъ. Да и по-французски онъ бѣгло зналъ только разговорную рѣчь; что касается письма на этомъ языкѣ, то онъ былъ плохъ въ такой степени, что даже не въ состояніи былъ написать, какъ онъ рассказывалъ смѣясь, обыкновенной любовной записки.

Много было въ то время шопота о томъ, что будто бы Михаилъ Григорьевичъ пріѣхалъ на Донъ съ миллионнымъ долгомъ, лежавшимъ на его рязанскомъ имѣніи, селѣ Бѣлоомутъ, а къ концу пребыванія на Дону этотъ долгъ былъ уплаченъ сполна, но это—разговоры, не имѣвшіе фактической подкладки. Можно сказать только одно, что Хомутовъ сквозь пальцы смотрѣлъ на продѣлки нѣкоторыхъ хапуновъ и слишкомъ легко относился къ такимъ дѣйствіямъ этихъ лицъ, за которыя законъ обѣщаетъ слишкомъ крутое возмездіе. Плохой фронтовикъ, Хомутовъ былъ и плохой воинъ. Командуя войсками, охранявшими побережья Азовскаго и Чернаго морей, онъ сдалъ англичанамъ крѣпость Анапу безъ выстрѣла, за что подвергся сильному нареканію со стороны людей, понимающихъ военное дѣло.

Когда стали крѣпчать новыя вѣянія и на высшихъ постахъ государственнаго управленія появились лица, годившіяся атаману въ сыновья, Хомутовъ увидѣлъ, что часъ его пріспѣлъ. Отправившись въ Петербургъ для празднованія своего 50-лѣтняго юбилея въ офицерскихъ чинахъ, онъ уже не возвратился на Донъ и чрезъ годъ (1864) скончался. Преклонявшаяся предъ нимъ болѣе 20 лѣтъ Донская земля, льстившая ему и ползавшая у его ногъ, не отблагодарила его ничѣмъ существеннымъ при его жизни. Только далеко послѣ его смерти одна изъ вновь образованныхъ донскихъ станицъ названа Хомутовскою, да въ Новочеркасскѣ, который обязанъ Хомутову своимъ устройствомъ вообще, и желѣзною дорогою, и водопроводомъ въ частности, только одна улица на городскихъ задворкахъ, имѣющая дома съ одной стороны, а съ другой безобраз-

ную площадь, начавшую застраиваться только въ самое послѣднее время, названа, точно въ насмѣшку, «Хомутовскимъ проспектомъ»...

Окончивъ объ атаманѣ, нельзя не сказать нѣсколько словъ о его супругѣ, поведеніе которой, какъ вліятельной половины начальника края, протянуло яркую нить по своеобразному фону картины продолжительнаго ихъ пребыванія на Дону.

Въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ къ Хомутову пріѣхала въ Новочеркасскъ его жена, Екатерина Михайловна, урожденная Демидова. Имѣя отъ роду около 40 лѣтъ, она была очень красива, умна и обворожительна въ обращеніи. Наши дамы-аристократки, по началу косо на нее посматрѣвшія, вскорѣ не могли не признать въ ней женщины высокаго образованія, вполне свѣтской, доброй и одинаково ко всѣмъ внимательной. Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ около Хомутовой образовалась многочисленная клика изъ мѣстныхъ дамъ и кавалеровъ, превозносившая ее до небесъ. Нѣкоторые же изъ этой массы поклонниковъ и поклонницъ въ обращеніи съ ней стали доходить до раболѣпства. Такъ продолжалось до того времени, когда Хомутовъ былъ назначенъ наказнымъ атаманомъ войска Донского. Поклонники Екатерины Михайловны, естественно, увеличились и въ качествѣ и въ количествѣ. Было очень мало семействъ, которыя обнаруживали въ этомъ дѣлѣ нѣкоторую сдержанность; онѣ были на сѣту и фигурировали въ качествѣ протестантовъ. Вѣжливая и деликатная Екатерина Михайловна, вначалѣ, сдѣлала визиты всѣмъ виднымъ членамъ новочеркаскаго общества и усердно повторяла такія посѣщенія во многихъ случаяхъ: большіе праздники, свадьбы, именины, званые вечера и проч. Самые усердные члены общества мчались другъ передъ другомъ въ пуски: сегодня «обѣдъ съ атаманомъ» у такихъ-то, завтра «вечеръ съ атаманшей» у такихъ-то... Не пропускалось безъ вниманія ни одного слова Екатерины Михайловны, ни одного движенія. Вопросы: «что вамъ сказала атаманша, когда вы подошли къ ней?»— «что вы отвѣтили ей, когда она спросила васъ о томъ-то?»— «какъ приняла она вашъ поцѣлуй въ плечо?»— были постоянные вопросы, произносимые при всѣхъ, безъ всякаго стѣсненія. Сколько происходило ссоръ и размолвокъ изъ-за исключительнаго права на вниманіе этой женщины! Боже сохрани, если вы пригласили на обѣдъ или вечеръ атаманшу и забыли позвать кого либо изъ вашихъ знакомыхъ—война объявлялась, безъ мира и перемирія, на всю жизнь. Привыкнувъ къ такому раболѣпству, Хомутова въ старости, подъ видомъ болѣзни, прекратила свои визиты и уже никого не посѣщала. Казалось бы, что такое обстоятельство должно было хотя нѣсколько охладить ея поклонниковъ—ничуть не бывало. Поклоненія еще усилились и дошли до такой степени, что свѣжему человѣку становилось тошно... Изъ ярыхъ поклонницъ Хомутовой особенно отличались двѣ дамы: одну назы-

вали теткой Марабу, всегда носившей на своей шляпѣ перья марабу, другую—генеральшей-гренадеромъ, исполнившую педагогическія обязанности въ одномъ учебномъ заведеніи. Дамы эти, хорошаго рода и достатка, что называется, топтали слѣды своей повелительницы, сопровождая ее во всѣхъ прогулкахъ, подставляя ей стулья во время церковной службы и т. п. Первая изъ нихъ доводила поклоненіе свое до необычайныхъ размѣровъ: она при всѣхъ цѣловала руку своей благодѣтельницы, цѣловала даже то мѣсто кресла, на коемъ только что покоилась ея рука. Сдѣлавъ то или другое, она съ улыбкой смотрѣла на окружающихъ, какъ бы говоря: «смотрите, какъ я счастлива». Многіе завидовали теткѣ Марабу въ исполненіе грибоѣдовскаго стиха: «Ахъ, если бъ и мнѣ то же!» Мѣстная интеллигенція, хотя и не доводила своего поклоненія до безграничности, но тоже не далеко отставала отъ прочихъ. Мѣстная пресса въ образѣ «Войсковыхъ Вѣдомостей» тоже вторила общему хору: «Его высокопревосходительство изволилъ прослѣдовать изъ Каменской станицы на Грушевскія шахты, которыя изволилъ осматривать во всѣхъ подробностяхъ»; или: «Ея высокопревосходительство изволила посѣтить пріютъ, а оттуда прослѣдовала въ сиропитательный домъ». Начальство, изволите ли видѣть, не могло «ѣхать», оно могло только «слѣдовать».

Когда Екатерина Михайловна, убаяканная всеобщимъ поклоненіемъ, прекратила свои посѣщенія, то мѣстные обыватели высшаго ранга, не желая лишиться ея участія въ ихъ семейныхъ торжествахъ, привозили къ ней виновниковъ этихъ торжествъ: жениха съ невестой, именинниковъ; не привозили только новорожденныхъ... Одинъ молодой человѣкъ посваталъ дѣвушку изъ хорошаго дома. Родители ея, получивъ отъ него отказъ въ представленіи Екатеринѣ Михайловнѣ, свезли къ ней невесту безъ него. Приглашенный имъ въ посаженные отцы, Д. Г. Калиновскій, узнавъ о такомъ противленіи, подошелъ къ дѣлу довольно мудро. Онъ пригласилъ его надѣть мундиръ и отправиться съ нимъ къ одному общему знакомому, котораго онъ уважалъ, но никогда у него не былъ. Юнецъ съ охотою исполнилъ его просьбу и усѣлся вмѣстѣ съ Калиновскимъ въ его карету. Бесѣдуя съ нимъ дорогой о разныхъ предметахъ, молодой женихъ не замѣтилъ, какъ подъѣхали къ квартирѣ атамана и остановились... Женихъ запротестовалъ, но не бѣжать же, въ виду двухъ часовыхъ, отъ атаманскаго подъѣзда. Когда вошли въ переднюю, Калиновскій, сбросивъ съ себя шинель, побѣждалъ предварить атаманшу. Офицеръ, отдавъ пальто уряднику, постоялъ въ недоумѣніи нѣкоторое время въ передней, а потомъ, по приглашенію того же урядника, вошелъ въ залу, гдѣ его встрѣтила лаемъ атаманская собака, съ красными пятнами на мордѣ, и бросилась на него. Онъ оторопѣлъ и былъ уже близокъ къ тому, чтобы обнажить шашку, какъ изъ двери атаманской гостиной появился

Калиновскій и пригласилъ его слѣдовать за нимъ... Сконфуженный и испуганный собакой, этотъ женихъ, дуракъ—дуракомъ, вошелъ въ гостиную и увидѣлъ сидящую въ мягкомъ креслѣ, съ морщинистымъ лицомъ, старуху, приложившую ко лбу правую руку и смотрящую на него черезъ очки. Около нея юлила тетка Марабу. Осмотрѣвъ юнца съ ногъ до головы, Екатерина Михайловна сказала: «хорошую дѣвушку вы посватали, будьте ея достойны; садитесь». Онъ сѣлъ, провелъ нѣсколько минутъ въ умномъ молчаши и вышелъ, посылая проклятiя своему посаженному отцу, который былъ очень доволенъ тѣмъ, что сыгралъ съ нимъ такую штуку, вынужденную, по его словамъ, «дѣйствительною необходимостью».

Какъ разъ въ это время приѣхалъ въ Новочеркасскъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, оттянувшій къ свой лагерь значительное число хомутовскихъ поклонниковъ, и началась обличительная литература, обусловленная новыми вѣяніями освободительнаго характера. Екатерина Михайловна, почуявъ новую силу, видимо, присланную для того, чтобы замѣнить старый режимъ новымъ, очень непривѣтливо отнеслась къ князю и княгинѣ. Зная, что Дондуковъ происходитъ отъ калмыцкихъ князей, Екатерина Михайловна очень часто и въ присутствіи постороннихъ называла домъ его то «хуруломъ», то «кибиткою» и съ пренебреженіемъ относилась къ тѣмъ, которые перебѣгали отъ нея во враждебный лагерь.

Не одну чету Хомутовыхъ испортило наше низкопоклонство и приниженность. Лестъ не портить только героевъ, коихъ очень мало на свѣтѣ. Хомутовы въ этомъ отношеніи не были героями. Екатерина Михайловна, изъ деликатной, вѣжливой и внимательной особы, какою была вначалѣ, стала авторомъ такихъ, напримѣръ, сценъ передъ своимъ отѣздомъ изъ Новочеркасска.

На именины ея мужа въ гостиной собралось все высшее общество. Является туда же для поздравленія и молодая, красивая дама, жена соборнаго подрядчика, только что приѣхавшая на Донъ изъ Петербурга. Одѣта она была въ разноцвѣтное платье, но, къ несчастью, согласно современной модѣ, прикрылась черной бархатной мантилейей. Подходитъ она къ атаманишѣ и поздравляетъ ее съ «дорогимъ» именинникомъ.

Осмотрѣвъ приѣзжую съ головы до ногъ, старуха Хомутова громко произноситъ:

— Ты, милая моя, на похороны, что ли, приѣхала? Такъ я тебѣ скажу, что Михаилъ Григорьевичъ сегодня именинникъ, а не покойникъ.

Молодая женщина не нашла возраженій, повернулась, зарыдала и оставила гостиную...

Екатерина Михайловна пережила своего супруга болѣе чѣмъ на 25 лѣтъ и отошла въ вѣчность въ глубокой старости и въ пол-

нѣйшемъ одиночествѣ, такъ какъ всѣ дѣти ея умерли задолго до ея кончины.

Какъ бы то ни было, а ни одна атаманская чета, ни прежде, ни послѣ Хомутовыхъ, не оставила по себѣ на Дону такихъ яркихъ воспоминаній, какъ чета Михаила Григорьевича и Екатерины Михайловны, и дѣло будущаго историка страны отдѣлить въ ихъ дѣятельности хорошее отъ дурного на основѣ полнѣйшаго безпристрастія...

А. Карасевъ.

